

**ЦИФРОВЫЕ ОБЪЕКТЫ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНИМОСТИ
КЛАССИЧЕСКОЙ ТРИАДЫ СОБСТВЕННОСТИ В
ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ**

Аннотация: В статье исследуются пределы применимости классической триады правомочий собственника (владение, пользование, распоряжение) к дематериализованным объектам гражданского оборота. Автор анализирует кризис традиционных вещно-правовых институтов, обусловленный отсутствием у цифровых активов признака телесности и невозможностью их абсолютного господства без посредничества провайдеров цифровой инфраструктуры.

Ключевые слова: вещное право, вещь, цифровой объект, криптовалюта, дематериализованные объекты.

Oleynikova Yu.O.

**DIGITAL OBJECTS AND THE LIMITS OF APPLICABILITY OF THE
CLASSICAL TRIAD OF PROPERTY RIGHTS IN RUSSIAN CIVIL
LAW**

Abstract: The article examines the limits of applicability of the classical triad of an owner's rights (possession, use, and disposal) to dematerialized objects in civil circulation. The author analyzes the crisis of traditional proprietary institutions caused by the lack of physicality (corporeality) in digital assets and the impossibility of exercising absolute dominion over them without the mediation of digital infrastructure providers.

Keywords: property law, thing/object, digital object, cryptocurrency, dematerialized objects.

Стремительное развитие информационных технологий поставило перед теоретиками и правоприменителями фундаментальный вопрос о границах применения классических цивилистических механизмов. Традиционная система вещных прав, базирующаяся на физическом обладании материальными объектами (*res corporales*) столкнулась с институтом дематериализованных объектов – аккаунты в социальных сетях, игровые предметы, криптовалюта, доменные имена и большие данные с каждым днем приобретают все большую экономическую ценность, однако их правовой режим до настоящего времени не отличается определенностью, что влечет неэффективность способов защиты таких объектов.

Как указывает в своем исследовании А.В. Мануилов: «Содержание правоотношений не изменилось, но фактическое поведение людей технологизировалось и трансформировалось в соответствии с законами современной среды обитания человека. Это означает, что традиционные гражданско-правовые конструкции могут и должны применяться к объектам правоотношений нового типа с учетом этой трансформации» [3, с. 146].

Классическая конструкция содержания права собственности, закрепленная в ст. 209 ГК РФ, базируется на непосредственном физическом взаимодействии управомоченного лица с объектом вещного права.

Владение (*possessio*) предполагает физическое удержание вещи или контроль над ней. Указанное правомочие в цифровом мире подразумевает контроль доступа. Обладание приватным ключом от криптокошелька, токеном или паролем от аккаунта функционально эквивалентно владению ключами от сейфа, но юридически квалифицируется судами лишь как

доступ к услуге связи, оказываемой провайдером. В данной связи мы согласны с позицией М.А. Москальца о том, что «Особенностью информации как нематериального по своей природе объекта является то, что ее невозможно «удерживать». Использование термина «владение» может применять к информации лишь условно» [4, с. 135].

Пользование (usus) означает извлечение полезных свойств. Подобно материальным вещам цифровые объекты пригодны для извлечения полезных свойств (например, аккаунт генерирует контент или трафик). Вместе с тем, как и в случае с владением, полезные свойства цифрового объекта зачастую неразрывно связаны с цифровой платформой – инфраструктурой, создаваемой провайдером – и не могут быть отделены от нее, что влечет невозможность абсолютного господства над вещью.

Распоряжение (abusus) подразумевает определение юридической судьбы. Продажа игрового меча за реальные деньги аналогична купле-продаже телесного материального объекта, но по условиям лицензионного соглашения (EULA) пользователь не имеет права распоряжаться объектом, так как право собственности принадлежит разработчику.

Таким образом, классическая триада начинает претерпевать кризис, поскольку не может в полном объеме охватить и описать правомочия лица по отношению к дематериализованным объектам. Владение, пользование и распоряжение представляют собой формальный признак власти над телесным объектом, в то время как цифровые объекты нуждаются в юридической фиксации содержания контроля над информацией в различных ее формах.

Необходимо отметить, что в своей работе мы опираемся на подход к определению цифровых объектов как вещей и разделяем позицию А.В. Мануилова о том, что «Взгляд на цифровые объекты как на материальные объекты имущественного оборота вовсе не является маргинальным и основанным на недопустимо сложных абстракциях» [3, с. 140].

Указанная позиция находит своих противников в современных исследованиях: «Криптовалюта однозначно не относится к такому объекту гражданских прав, как вещи. Это обусловлено классическим представлением о вещи и необходимым ее телесном (осязаемом) содержании. Квалификация же криптовалюты в качестве бестелесной вещи или квазивещи не имеет практических последствий для регулирования отношений и разрешения споров». [1, с. 89].

Представляется, что подобный подход основан, в том числе, на отсутствии у цифровых объектов одного из главных критериев вещного права – возможности реализации интереса без содействия третьих лиц (непосредственного господства).

К примеру, на возможность непосредственного господства пользователя над аккаунтом в социальной сети будет влиять, по меньшей мере, два фактора – функционирование цифровой платформы и предоставление провайдером доступа к такому аккаунту. Таким образом, держатель аккаунта в своем «господстве» зависит от воли третьего лица, что более характерно для обязательственных правоотношений.

Вместе с тем для цифровых объектов характерен такой признак объекта вещного права, как абсолютный характер, в связи с чем мы согласны с позицией Л.Г. Ефимовой: «Отношения, связанные с обладанием цифровым правом, несомненно, носят абсолютный характер, поскольку их содержанием выступает обязанность всех третьих лиц воздерживаться от неправомерных посягательств на осуществление обладателем цифрового права своих правомочий, удостоверенных им» [2] .

Таким образом, рассмотрение цифровых объектов в качестве объектов обязательственных правоотношений, на наш взгляд, также является несостоятельным.

Отдельной, но не менее значимой проблемой на практике является отсутствие возможности судебной защиты права на цифровой объект путем предъявления виндикационного иска. Статьей 301 Гражданского

кодекса Российской Федерации предусмотрена возможность истребовать вещь из чужого незаконного владения. Но как «истребовать» украденный биткоин, не имеющий телесной формы?

Подобная логика отражена в современных исследованиях: «Цифровые обязательственные права не могут быть объектом виндикации, поскольку, как ранее указывалось, действующим законодательством не предусмотрен такой вещно-правовой способ защиты для правообладателей обязательственных прав, как виндикация» [1, с. 87].

Осложняет функционирование правоотношений в рассматриваемой сфере и сводит к минимуму возможность судебной защиты права отсутствие единого реестра титулов для цифровых объектов (доступ к информации является ограниченным, часть информации анонимна).

Обозначенные проблемы приводят к тому, что суды отказывают владельцам криптовалют и игровых предметов в защите их интересов по правилам главы 20 Гражданского кодекса Российской Федерации [5].

Показательной в данной связи является позиция Конституционного Суда Российской Федерации, отраженная в определении от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Д.И.».

В указанном судебном акте Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу о том, что «Отказ в судебной защите имущественных требований, вытекающих из обладания цифровой валютой и ее законного использования в обороте лицами, получившими (приобретшими) цифровую валюту способами, не связанными с ее майнингом, является основанием для признания оспариваемого законоположения не соответствующим Конституции Российской Федерации в соответствующей части» [6].

Для преодоления возникающих проблем мы полагаем необходимым введение в систему ограниченных вещных прав, установленных статьей 216 Гражданского кодекса Российской Федерации, нового института — ограниченного цифрового права пользования (узуфрукта).

Указанный институт призван обособить цифровую собственность (право администрирования цифровых платформ) от права извлечения плодов (например, права на получение доходов от монетизации). При подобном подходе узуфруктуарий (например, блогер) получает право владеть аккаунтом на цифровой платформе и извлекать из него доход. При этом полномочия распоряжения являются прерогативой собственника (держателя цифровой платформы).

Подобный подход позволит увеличить легализованный гражданский оборот в цифровом мире, организовать регистрацию обременения на базе специализированных цифровых реестров.

Безусловно, введение нового института в систему ограниченных вещных прав потребует необходимости внедрения регистрационных моделей, порождающих правовые последствия, что является технически обременительным, а также с высокой долей вероятности найдет противников в лице корпораций, эксплуатирующих цифровые платформы.

Вместе с тем полагаем, что именно подобный подход к регламентации указанных отношений способен обеспечить стабильность оборота цифровых активов, защитить интересы пользователей и провайдеров, а также адаптировать традиционную систему отечественной цивилистики к современным реалиям.

Использованные источники:

1. Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. №4 (125). – С. 76-93.
2. Ефимова Л.Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское

право. 2021. № 5 // СПС «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 29.07.2026.

3. Мануилов Андрей Вячеславович Цифровая вещь как она есть — *mobilis in mobile* // Правоведение. 2025. №1. – С. 125-149.

4. Москалец М.А. Субъективные права и объекты права собственности// Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – № 2. – С. 134-141.

5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2024 по делу № 88-23350/2024 // СПС «КонсультантПлюс»: Дата обращения: 29.07.2026.

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Д.И.» // СПС «КонсультантПлюс»: Дата обращения: 29.07.2026.